
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ

Э.Э. Шульц

В статье на примере Русской революции 1917 г. анализируется одна из ключевых и наиболее распространенных точек зрения исследователей на революции как путь модернизации государств. Автор дискутирует с устоявшимся в современной историографии представлением о том, что причины и последствия революций обусловлены задачами модернизации государства, не способного решить внутренние проблемы путем реформ. Автор приходит к выводу о том, что революция становится структурной причиной модернизации государства, в которой ее составные части (урбанизация, индустриализация, демократизация) структурно взаимосвязаны, но размещены на длительном временном промежутке. Единственным, по мнению автора, признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен, – это изменение социальной структуры общества.

Ключевые слова: модернизация, Русская революция, теория революции, концепция модернизации, урбанизация, индустриализация.

Введение

Обоснование темы. В рассуждениях о Русской революции, ее причинах, роли и последствиях исследователь неизбежно сталкивается с проблемой «модернизации»: модернизационных процессов в России начала XX в., прерывании этих процессов и выстраивании новых, модернизационных функций самой революции и постреволюционного развития.

В последнее время идеи модернизации в ходе революций стали носить почти безапелляционный характер, выстраиваясь в устойчивый стереотип: причины и последствия революции – это задачи модернизации в государст-

ве, которое неспособно решить эти проблемы путем реформ. Эти утверждения в полной мере «перекочевали» и на Русскую революцию.

Цель и задачи. Данная статья посвящена анализу концепции модернизации государства в результате революций на примере Русской революции [1].

Обзор литературы. Модернизационная теория своими корнями уходит в эпоху Просвещения и базируется на идее прогресса [2]. Главными теоретиками модернизации в XIX – начале XX в. считаются К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер [3].

Конкурирующие версии теории модернизации получили новый всплеск после Второй мировой войны, когда капиталистические и коммунистические супердержавы выдвинули свои модели развития. В конце 1950-х – 1960-е гг. теория модернизации была одной из самых популярных в западном полушарии [4]. Авторы данной теории – Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и ряд других – вкладывали в понятие модернизации идею технологического продвижения, урбанизации, роста доходов, увеличения грамотности и развития средств массовой информации [5].

В 1970-е гг. теория модернизации подверглась критике и была объявлена умершей [6]. В 1990-е теория модернизации получила новое рождение [7], причем «поколение 90-х» предпочитало говорить больше о «постмодернизации», чем о «модернизации» [8]. В отечественной историографии исследовательская мысль сосредоточилась на положении о догоняющей модернизации, которая стала выдвигаться в качестве причины Русской революции [9].

Модернизация определяется как переход от традиционного, аграрного общества к городскому, индустриальному [10], который сопровождается индустриализацией, урбанизацией, профессиональной специализацией и более высоким уровнем образования [11], причем существует корреляция между модернизацией и демократией, так как социальные изменения неминуемо ведут к демократизации [12].

Подход к революциям как к методу и пути модернизации государства также уходит корнями к идеям Просвещения и Великой французской революции (в соответствии с которыми революция рассматривалась как путь продвижения к новым, более совершенным, общественным отношениям) [13], а также к положениям Маркса, согласно которым революции завершаются переходом к более прогрессивной формации [14].

«Вторую жизнь» теория модернизации в революции получила в последней трети XX в. и связана в первую очередь с именем израильского социолога Шмуэля Эйзенштадта.

Революции, по убеждению Эйзенштадта, влекут за собой изменения, направленные на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе [15]. Эйзенштадт увязывал термин «модернизация» и «modernity» («современность») с цивилизацией Нового времени [16].

Эйзенштадт считал, что «современность» (modernity) является отличным типом цивилизации, и этот тип цивилизации развивался в одной из Больших Осевых Цивилизаций – христианско-европейской [17]. При этом Эйзенштадт отстаивал концепцию множественной модернизации, которая утверждает, что «западные образцы» современности, хотя и являются историческими предшественниками и продолжают быть основным ориентиром для других, не являются единственными образцами и путями модернизации [18].

Два значения, которые выдвигал Эйзенштадт, понимая *modernity* как *Новое время* и как *современность*, создали принципиальную проблему: революции ведут к стандартам, которые задали Новое время революциями в Англии и Франции, или происходит ориентация на современность – догнать в развитии передовые страны своего времени. Эта расплывчатость в дефинициях породила существенные расхождения в подходах. Под модернизацией стали понимать не столько «modernity» и «обновление», сколько «усовершенствование», т.е. создание чего-то принципиально лучшего, достижение более высокого уровня.

Затем кроме усовершенствования под модернизацией стали понимать обязательную индустриализацию, экономический рост, политическое и военное превосходство и т.д., в том числе «формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения» [19].

В 1970-е гг. Теда Скокпол в качестве одного из основных выводов исследования высказала мысль о том, что после революций поднимаются более централизованные и бюрократические государства, сильные во внутренних делах и влиятельные в международных отношениях [20]. Этот вывод с вариативной степенью изменений стал тиражироваться в различных работах [21]. В результате в качестве последствия модернизации, которая является результатом революции, стало называться усиление власти, ее концентрация и большая централизация, что приводит к усилению самого государства, в первую очередь на международной арене.

Если систематизировать подходы в современной историографии, то получим три основных принципа модернизации после революций.

1. Модернизация как принцип приведения экономики, социальной и политической системы государства к принципам, сложившимся в развитых странах Нового времени.

2. Приведение к современному состоянию, под которым понимается состояние наиболее передовых стран этого времени: модернизация экономики с ориентиром на мировых лидеров с целью выдержать конкуренцию, т.е. «догнать и перегнать», составить конкуренцию в угрожающей внешней среде.

3. Укрепление власти, которое ведет к укреплению государства и его роли на международной арене.

Исследование проблемы

Действительно, в результате всех революций или последовательности революций в одном государстве или воздействия революций и сильного влияния стран, в которых эти революции уже состоялись и произвели изменения (Англия и колонии, влияние наполеоновских войн, последствия Первой и Второй мировой войны), социальная структура и экономика государств изменялась в сторону «эталонов» Нового времени, созданных Нидерландской, Английской, Американской и Французской революциями, т.е. они проводили модернизацию по первому принципу.

Безусловно, в так называемых менее развитых странах, имевших иные исторические традиции до Новейшего времени, результаты этих революций не дают полного совпадения с европейскими и северо-американскими аналогами, но и в России, и в странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки в результате революций (что и выделяет их из других политических или протестных акций – как перевороты, восстания и др.) произошло упразднение привилегированных сословий. «Третье сословие» стало составлять основу общества как законодательно, так и фактически; экономика пошла по «капиталистическому пути» в вариациях, связанных с культурно-историческими традициями и особенностями идеологии. Новое время и его продолжение – это эпоха капитализма с его особенностями и различными путями развития.

Второй и третий принципы вызывают серьезные возражения.

Об идее «модернизационного ориентира» в развитии стран в результате революций можно говорить только в связи с Русской революцией (хотя в отношении некоторых революций середины XIX в., в частности, возможно, Германии, Италии, Швейцарии, Швеции, также это будет справедливо).

Русская революция была первой революцией, в которой так ярко проявились идеи модернизации по западному образцу и построения самого прогрессивного строя путем перепрыгивания через этапы развития с целью «догнать и обогнать» развитые капиталистические страны. В XX в. эта идея и «шаблон» были восприняты большинством революций. Отсюда, собственно, и появилась идея модернизирующих функций революций по второму принципу. Однако идеи революционеров еще не означают, что революция действительно «занималась» модернизацией.

Третий принцип – укрепление власти, которое ведет к укреплению государства, его силы и роли на международной арене. На первый взгляд, действительно, Франция при Наполеоне стала представлять большую силу и играть большую роль на международной арене, чем при последнем монархе. Но большую ли, чем при Людовике XIV всего менее чем за столетие до этого? Революции в Италии, Швейцарии, Германии середины XIX в., действительно, укрепили власть в этих государствах и сделали их сильнее, но здесь

речь идет не просто о революциях, а о совмещении революционных процессов с процессами объединения земель в этих государствах.

Безусловно, единые государства стали сильнее и получили более сильную власть. Если вернуться к примеру Китая (который вместе с примером России стал основополагающим в выводах Т. Скокпол), то, как известно, он не выбился в мировые лидеры в результате революции, а серьезно считается с Китаем как с влиятельным государством в регионе стали только с 1990-х гг. XX в., т.е. спустя полвека после самой последней революции в стране. В уровень не только т.н. «мировых держав», но и региональных лидеров не вышло после революций почти ни одно государство Латинской Америки, Юго-Восточной Азии или Африки. Таким образом, выводы Т. Скокпол, которые нашли многочисленных приверженцев, кажутся, как минимум, не бесспорными. Более того, революции в странах Южной Америки и Юго-Восточной Азии не сделали эти страны индустриальными и сверхдержавами, с сильным международным влиянием. Выводы о таких последствиях революций сделаны исключительно на примерах Английской, Французской, Русской и Китайской революций. Причем в первых двух примерах описанное положение уже принадлежало этим странам и революции его не изменили, а в двух последних эти изменения произошли через несколько десятилетий после революций в связи с необходимостью выживания в войне (в случае с Россией) и проведением реформ (в случае с Китаем).

Бертран Жувенель уверял: «чтобы уяснить истинное значение революции 1917 г., понадобился период в четверть века. Власть, простирающаяся намного дальше, чем власть царя, делает страну гораздо сильнее и позволяет отвоевать территорию, потерянную империей» [22]. Позволим себе не согласиться с французским политологом. Во-первых, территория империи была потеряна исключительно в результате революции и гражданской войны. Во-вторых, «возврат» начал происходить в самом конце 1930-х гг. и в результате победы в Великой Отечественной войне. В-третьих, власть восточных сатрапов всегда простиралась дальше, чем та, что имел русский самодержец, а уж тем более «западные короли», но это не делало эти государства сильными, даже наоборот, и они никогда не являлись серьезными фигурами на международном уровне. Царская Россия, потеряв позиции после Крымской войны, все равно представляла собой серьезного игрока на внешней арене в конце XIX – начале XX вв. и занимала положение, которое СССР стал возвращать только к концу 1930-х гг.

Процесс индустриализации и рост ВВП в СССР, безусловно, происходил и в 1920-е и 1930-е гг., но следует понимать, что это рост от точки разрухи и по сравнению «с самим собой». Во-первых, после восьми лет войны, в начале мировой, а затем гражданской, промышленность страны была почти полностью разрушена, а сельское хозяйство находилось в плачевном со-

стоянии, и в сравнении с этим положением любое достижение казалось значительным. Во-вторых, показатели роста и сдвигов дают представление об искусственном движении вперед по отношению к 1922 или 1913 г. или в привязке к любому другому году, но не учитывает движение во времени и в окружающей среде. Другие страны, до уровня которых СССР собирался подняться, также развивались, и СССР был также далек от их уровня, как и Российская империя в 1913 г. Соизмерять необходимо соизмеряемые величины и их взаимное изменение во времени.

Так, с этой точки зрения царская Россия была отсталой страной, которая могла воевать только с еще более отсталой Турцией и терпела поражение от развитых стран и т.п., но через двадцать лет после окончания Первой мировой войны, в которой Россия потеряла от 2 до 4 млн человек, терпела поражения, но линия фронта проходила западнее современной границы РФ, а затем допустила германские войска до Волги и Москвы и потеряла в войне более 20 млн. Армия осталась та же – такая же крестьянская армия царского времени. Страна как до революции, так и после не могла воевать с развитыми странами. Так что миф о модернизирующем значении «Октябрьской революции» необходимо отставить. Именно после Второй мировой СССР стал индустриальной и военной сверхдержавой, а не после Октября. Те перемены, что произошли во время войны, повлияли на это, и страна сделала то, что не удалось за двадцать лет после революции.

Следует учитывать и тот факт, что индустриализация, проведенная в 1930-е гг., не дала эффекта для ведения войны, так как большая часть заводов осталась в оккупированной европейской части, а подготовленный рабочий класс снова ушел воевать. За годы войны и в период восстановления пришлось проводить новую индустриализацию – именно она и стала основой будущего могущества государства с победоносной армией, которая за годы войны преобразилась и стала по-настоящему новой и современной.

С 1928 г. годовой рост ВВП не сильно превышал дореволюционный уровень и составлял 4,2%, а вот уровень роста в 1950-х гг. превышал уже существенно – 5,7% годовых, что и привело советскую экономику к самым высоким достижениям за всю историю – 40% от объема ВВП США в 1955 г., 60% – в 1965 г., 52% – в 1975 г. В 1980-е гг. рост ВВП составлял уже 2% годовых [23]. Советская экономика, относившаяся к быстро растущим в 1950-х гг., превратилась в одну из самых медленно растущих в 1980-е гг. [24].

К модернизирующей роли (и функции) Русской революции (и революций вообще) необходимо подходить с большой осторожностью. Конечно, изменения были, их не могло не быть. Ускоренная индустриализация за счет ущемления других областей социальной и экономической жизни в 1930-е гг. имела место и сыграла свою роль (дискуссии о цене этой индустриализации вполне уместны). Однако основной «прорыв» СССР произвел не в 1920-е и

не в 1930-е гг., а в ходе и после Второй мировой войны за счет неимоверного напряжения и мобилизации всех ресурсов, в первую очередь людских. Даже если вести отсчет модернизационных процессов в России от начала 1920-х гг., то суммарных достижений этой модернизации и экономической «догоняйки» не хватило даже на полвека – срок ничтожный с исторической точки зрения.

Таким образом, если Русская революция и стала инструментом модернизации (в развитии уровня индустриализации), то в долгосрочной перспективе этот инструмент не сработал, этот путь дал слишком краткосрочный эффект и результат.

Как отметил исследователь российской экономики Пол Грегори, советская экономика сделала резкий скачок, однако если оценивать этот рост в долгосрочной перспективе, то эти показатели роста дореволюционной экономики на длинном промежутке не уступали бы показателям советской экономики [25].

Выводы

Возвращаясь к основному определению модернизации, под которым понимается переход от аграрных обществ к современным, промышленным и постиндустриальным [26], отметим, что данный процесс действительно стал неотъемлемым результатом всех революций.

Для С. Хантингтона модернизация – это структурная причина революции, тогда как для Б. Мура революция – структурная причина модернизации. «Как это ни парадоксально, оба, вероятно, правы» [27], – писал Чалмерс Джонсон. Здесь приходится согласиться с тем, что определить, какой из процессов влечет за собой следующий, достаточно проблематично. Революция становится, безусловно, главной причиной дальнейшей модернизации государства, в которой процессы модернизации структурно связаны друг с другом и находятся в зависимости, но размещены на длительном временном промежутке, и в конечном итоге имеют отношение к «породившей» их революции примерно так же, как индустриальная революция XVIII–XIX вв. к религиозным войнам в Европе XVI–XVII вв.

Революции не должны вести к демократии и демократическим изменениям в полном и современном понимании. Однако бесспорное последствие всех революций – это уничтожение привилегированного сословия, установление новой социальной структуры общества (по примеру стран Западной Европы и Америки, «по стандартам Нового времени»), что неминуемо в процессе развития общества ведет к «демократизации». И это изменение социальной структуры общества как следствие революции, которое в исторической перспективе ведет к урбанизации и демократизации, пожалуй, явля-

ется единственным признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Об особенностях Русской революции см.: Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61.
- [2] *Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge University Press, 2005. P. 15.*
- [3] *Gilman N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. P. 5; Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 1, 16.*
- [4] *Gilman N. Op. cit. P. 3.*
- [5] *Ibid. P. 5.*
- [6] *Gilman N. Op. cit. P. 266; Inglehart R., Welzel C. Gilman N. Op. cit. P. 17.*
- [7] *Gilman N. Op. cit. P. 270.*
- [8] *Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton University Press, 1997. P. 5.*
- [9] *Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Мау В. Реформы и догмы: 1914–1929. [Очерки становления экономической системы советского тоталитаризма]. М., 1993; Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. Изд. 2-е. – М., 2004.*
- [10] URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization> [Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society].
- [11] *Inglehart R. Op. cit. P. 7.*
- [12] *Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 5–6.*
- [13] См.: *Боллингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 176; Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 186, 305; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С. 36; Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 29.*
- [14] См.: *Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 7; Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М., 1960. С. 339.*
- [15] *Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 45.*
- [16] Там же. С. 51.
- [17] *Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. BRILL, 2003. P. 493; Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis / Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. Sage Publication Ltd., 2004. P. 48.*

- [18] *Eisenstadt S.N.* Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002. P. 27.
- [19] *Май В.А.* Сочинения в шести томах. Т. 1. М., 2010.
- [20] *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. P. 285.
- [21] *Жувенель Б. де.* Власть: Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 296; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 314; *Foran J.* Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge University Press, Cambridge, 2005. P. 11.
- [22] *Жувенель Б. де.* Указ. соч. С. 296.
- [23] *Ofer G.* Soviet Economic Growth: 1928–1985. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. P. V.
- [24] *Cohn S.H.* The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense. Final Report to National Council for Soviet and East European Research. The Council, 1983. P. 6.
- [25] *Gregory P.R.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge University Press, 2004. P. 192.
- [26] *Vishnevsky A.* Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. P. 8–9.
- [27] *Johnson C.* Revolutionary Change. – Stanford University Press, 1982. P. 176.

REFERENCES

- [1] Shults E.E. «Klassovyj podhod» i «proletarskij harakter» revoljucii 1917 g. v Rossii [“Class Approach” and “Proletarian Character” of Russian Revolution of 1917]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzby Narodov. Serija “Istorija Rossii” – Bulletin of People Friendship University of Russia. Series of “Russian History”*, 2014, no. 3, pp. 47–61.
- [2] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge University Press, 2005, p. 15.
- [3] Gilman N. *Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America*. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003, p. 5; Inglehart R., Welzel C. Op. cit., pp. 1, 16.
- [4] Gilman N. Op. cit, p. 3.
- [5] Ibid., p. 5.
- [6] Gilman N. Op. cit., p. 266; Inglehart R., Welzel C. Gilman N. Op. cit., p. 17.
- [7] Gilman N. Op. cit., p. 270.
- [8] Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton University Press, 1997, p. 5.
- [9] Gavrov S.N. *Modernizacija vo imja imperii. Sociokul'turnye aspekty modernizacionnyh processov v Rossii* [Modernization for the sake of the empire]. Moscow, 2004; Mau V. *Reformy i dogmy: 1914–1929* [Reforms and dogmas]. Moscow, 1993; Starodubrovskaja I.V., Mau V.A. *Velikie revoljucii ot Kromvelja do Putina* [Great revolutions from Cromwell to Putin]. Moscow, 2004.

- [10] Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization>.
- [11] Inglehart R. Op. cit., p. 7.
- [12] Inglehart R., Welzel C. Op. cit., pp. 5–6.
- [13] Bolingbroke H. *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on studying and advantage of history]. Moscow, 1978, p. 176; Guizot F. *Istorija civilizacii v Evrope* [History of civilization in Europe]. Moscow, 2007, pp. 186, 305; Mignet F. *Istorija Francuzskoj revoljucii, 1789–1814* [History of the French revolution, 1789–1814]. Moscow, 2006, p. 36; Tocqueville A. *Staryj porjadok i revoljucija* [Old Regime]. St.-Petersburg., 2008, p. 29.
- [14] Marx K. K kritike politicheskoj jekonomii [To criticism of political economy]. Marx K., Engels F. *Compositions*. Moscow, 1959, 2nd ed., vol. 13, p. 7; Marx K. Grazhdanskaja vojna vo Francii [Civil war in France]. Marx K., Engels F. *Compositions*. Moscow, 1960. 2nd ed., vol. 17, p. 339.
- [15] Eisenstadt S. *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij* [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow, 1999, p. 45.
- [16] Ibid., p. 51.
- [17] Eisenstadt S.N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. BRILL, 2003, p. 493; Eisenstadt S.N. *The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis*. Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. Sage Publication Ltd., 2004, p. 48.
- [18] Eisenstadt S.N. Some Observations on Multiple Modernities. *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002, p. 27.
- [19] Mau V.A. *Sochinenija v shesti tomah* [Composition in six volumes]. Moscow, 2010, vol. 1.
- [20] Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press, 1979, p. 285.
- [21] Jouvenel B, de. *Vlast': Estestvennaja istorija ee vozrastanija* [Power: Natural history of its increase]. Moscow, 2011, p. 296; Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow, 2004, p. 314; Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge University Press, Cambridge, 2005, p. 11.
- [22] Jouvenel B., de. Op. cit., p. 296.
- [23] Ofer G. *Soviet Economic Growth: 1928–1985*. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988, p. 5.
- [24] Cohn S.H. *The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense. Final Report to National Council for Soviet and East European Research*. The Council, 1983, p. 6.
- [25] Gregory P.R. *Russian National Income, 1885-1913*. Cambridge University Press, 2004, p. 192.
- [26] Vishnevsky A. Modernization and Counter-Modernization in Russia. *Russia in Global Affairs*. 2006, vol. 4, no. 2, pp. 8–9.
- [27] Johnson C. *Revolutionary Change*. Stanford University Press, 1982, p. 176.